

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТУР СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ А. К. МАНЕЕВА

И. Ф. Габрусь

*Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники*

Поучиться у творческого человека — лучший способ воздать ему должное. Алексей Климентьевич Манеев - оправдание отечественной философии советского периода. Это ответ ее либеральным критикам, видящим в ней лишь набор безжизненных догм и расцветавшую вокруг них бесплодную, пустословную схоластику. Но - всюду жизнь, и сильный творческий темперамент Манеева далеко не в тепличных для его идей условиях нашел-таки достаточно полное им выражение. Манеевское означющее поднялось до высот подлинно философского универсализма, охватив единством своей мысли и онтологию, и гносеологию, и праксиологию. При этом он смело осуществляет прорыв за непреодолимые для современной западной философской мысли границы языка, которые объявлены и границами мира. И это даже благо, что Манееву пришлось работать на философском поприще в условиях жесткого противопоставления и разграничения материалистической и идеалистической линий философии, так как в итоге манеевская концепция биополевой формации обеспечивает материализму сегодня большой шанс не отстать от важной передовой линии современного познавательного процесса.

Вдохновившись таким примером, попробуем и мы (поневоле фрагментарно и бегло) дать набросок нашего собственного понимания ключевых положений гуссерлевской феноменологии как «строгой науки» о феноменах сознания в сопряжении их с трактовкой психики и сознания Манеевым. Мой ответ на все еще дискутируемый вопрос «что такое феноменология?» в том, что она - радикальный гносеологический сдвиг с познания первичное, которое было в центре внимания и интереса традиционной, классической гносеологии и в котором прокладываются новые, непроторенные пути познавательного опыта, на познание вторичное, в котором они успешно и продуктивно репродуцируются и тиражируются.

Первичное знание в современном обществе добывается, прежде всего, на передних рубежах научного поиска, а вслед за этим в техносфере, где оно объективируется в новую технику и новые технологии. Оно продуцируется и в гуманитарном секторе культуры современными выдающимися мастерами слова и музыкального звука, резца и кисти, пророками и провидцами религиозного культа, пытливым философской мыслью, исследующей новые реалии общественной практики и социального бытия. Здесь, как правило, задействован весь арсенал гносеологических средств - сенсорики, логики и интуиции в том числе. При этом дело не ограничивается, не сводится только к конституированию и реконституированию смыслов, а в огромном числе случаев требует действий с природными и созданными человеком вещами и предметами, с их свойствами и отношениями. Вторичное же познание - это приложение уже хорошо освоенного, приобретенного характер рутинного ав-

томатизма первичного знания к конкретным ситуациям социального действия и познания. Это, несомненно, самое массовидное гносеологическое явление. Но оно всегда основано на познании первичном и имеет его в качестве своей необходимой и обязательной предпосылки.

По ходу развития гуссерлевской феноменологии многие ее идеи и принципы пересматривались и модифицировались, но всегда неизменной оставалась исходная матрица анализа Гуссерлем феноменов сознания: первичной данностью для него является гилетический материал (чувственные данные) и ноэза, «обремененная смыслом интенция», акт сознания; итогом же ее наложения на гилетический материал, насыщения его смыслом «конституируется» ноэма, предметный полюс «чистого сознания», его предметная объективация. Гуссерля не интересует вопрос о том, как формировалась интенция, она для него просто данность. За этим исходным постулатом феноменологии стояла важная философская проблема учета качественной специфичности и несводимости друг к другу различных «регионов бытия», которая и решалась тем, что интенция выступала полноправным репрезентантом такой качественно определенной реальности с неперменным требованием использования «имманентных», адекватных этой реальности познавательных методов и средств ее анализа и описания. За «обремененной смыслом» мнящей интенцией как первичной для феноменолога данностью сознания — весь универсум современной носителю интенции культуры со всеми наработанными в ней формами субъект-субъектных и субъект-объектных отношений и действий, способами и формами жизнедеятельности людей («формами жизни», по Витгенштейну). Феноменология — это взгляд профессионала любой предметной области на привычную ему «мир-среду» (Umwelt). За интенцией самобытная реальность, любой возможный вид реальности, и вместе с интенцией мы попадаем в самую сердцевину такой реальности. И ведет нас гуда не новичок, а маститый ее знаток.

Ноэзо-ноэмагическая связка — универсальная система координат в феноменологии, универсальная форма для буквально любого содержания. Но при этом всякий раз она помещает нас на острие жизненного мира ею носителя, в средоточие его актуального интереса, интереса в фазе «здесь и теперь». Гуссерлевская ноэзо-ноэмагическая связка — полный эквивалент связки «означающее-означаемое», так востребованной современной европейской философией.

Сознание, работающее в режиме вторичного познания, реальность подлинно синергетическая. Хороший и точный аналог ему — перенасыщенный химический раствор, малейшее воздействие на который вызывает молниеносную кристаллизацию разнообразных и сложнейших когнитивных ноэматических структур. Все они, что называется, «на часах» у порога сознания, являясь в его «живом настоящем» но первому зову. Сознание в режиме вторичного познания это настоящий динамический хаос синергетики, способный (и готовый) в любой момент породить, «объективировать», «конституировать» ноэматическую предметность,

ноэмагический коррелят сознания, «выдать на юра» структурированную смысловую объективацию. Ноэза, но-этический акт (живой элемент гуссерлевского «чистого сознания») нагружены/потенциально несут в себе чреватые неоднозначной объективацией смысловые образования.

Мигель де Унамуно дал прекрасный и точный поэтический образ данной познавательной ситуации: «И трудится как буйвол молчаливо во мне немая сладостная мысль». Гуссерлевская обремененная смыслом «мнящая интенция» - это и есть «немая сладостная мысль», молчаливая труженица, предваряющая ее ту или иную возможную вербализацию, объективирование в терминах языка и гарантирующая полноту их смыслового обеспечения. Без нее, вне такого наполнения на выходе - гулкие пустоты слов. Это, конечно, всего лишь внутренняя, субъективная гарантия смысловой наполненности речи, но без нее, как правило, обесценивается и ее объективное содержание. Тут выявляется важное позитивное зерно гуссерлевского постулирования cogito-cogitatum (связки «ноэза-ноэма») исходной предпосылкой феноменологических описаний. Прошлое без выхода в актуальность горячей точкой, ярким огнем, «душой пламенеющей» - мертвый балласт. Как часто прошлое на выходе в актуальность — уже потухший и остывший факел, ничто не освещающий и никого не греющий. Прошлое чего-нибудь стоит только этим светом и огнем, прорывающимся в актуальность.

Трансцендентальный субъект феноменологии субъект, способный «крепко держать» смыслы, долго жить в них, любовно возвращаться к ним, лелеять их и взращивать, расширять непрерывно их ареал, по всякому удобному случаю обогащать их из любых возможных (близких, пересекающихся или дальних, лишь косвенно смежных) источников. Это тот, о ком принято говорить — «крепкая голова». Другими словами, «человек всегда и теме», погруженный в нее. Это значит, что вторичное познание ризомовидно. Оно способно питаться, и питается многим, но перерабатывает что многое по своему собственному алгоритму. Оно есть пространство действия, поле развертывания постмодернистской ризомы.

Но вторичное познание способно и вовсе к «переформатированию», к смене своего смыслового формата, к переходу на новый смысловой контур. Это что-то очень напоминающее восточную концепцию «переселения душ», когда тот или иной сильный интеллектуальный или эмоциональный посыл перестраивает «под себя» смысловую конфигурацию сознания, а то и вовсе психику индивида. Впрочем, такое переформатирование вещь повседневно обычная и всем хорошо знакомая. «Пламя страстей» телесных, врывающихся в область интенционально-структурированного сознания-бытия из фрейдовского либидо одним махом, вихрем неудержимым превращает в прах и труху упорядоченные ноэзо-ноэматические структуры и устанавливает свой собственный порядок, порядок аффекта и страсти. «Как в хижину с прохудившейся кровлей проникает ливень, так в плохо развитый ум проникает похоть» — констатирует Будда. Беда только в том, что среди здоровых и полнокровных смертных нелегко будет найти обладателей «хорошо развитого», по критерию Будды, ума.

Но не только «супостат, принявший образ Камы, что пожирает уменье и знание» (Бхагавадгита), способен произвести такое опустошение ноэзо-ноэматических смысловых формаций в сознании. Мысль, пугливая, легкая, трепещущая, эфирная не устоит перед любой эмоцией, не говоря уже о напоре страсти. Тот же Будда дает точное описание ее взрывного действия: «Лишь того я назову хорошим возникшим, кто сдерживает свой гнев, несущийся подобно стремительной колеснице. Остальные же, бессильные, только держаться за вожжи». Смысловые энергетические сущности переносятся

в пространстве и могут переформатировать состояние принявшего их сознания. Смыслы — это сгустки духовных энергий. Они как шаровые молнии способны к спонтанному движению и «приземляются», снисходят вспышкой духовного озарения, интеллектуальной интуиции в «хорошо подготовленные умы» (Б. Паскаль).

Ноэматические выбросы, объективации сознания всегда так или иначе структурированы, достаточно прочны, жестко или эластично упруги. У каждой — своя логика построения и бытия. Смыслы растут, кристаллизуются, конституируются на интенциях. Раз сформированные ноэзо-ноэматические структуры, затвердев, подчас обретают жесткость и прочность бетона. Их впору уподобить ложу потока воды, пробитому ею в скальпом массиве. Эти ютовые формы движения мысли в самом широком понимании этого термина (а лучше всею сказать - интенционального переживания) дают ей не больно много простора. Тут действует уже принцип Д. Юма — «руководителем в жизни является не разум, а привычка». И уже на выходе из таких хорошо проторенных, крепко утопанных троп вторичного познания открывается поле для действия постмодернистской ризомы.

Сознание в режиме вторичного познания - мощный магнит, втягивающий в поле своего действия все так или иначе сродственное ему. В Евангелиях работа этого механизма описывается правилом: «Кто имеет, тому прибавится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что думает иметь» (Вне познавательного контекста этот тезис мог бы резко диссонировать с Евангельской вестью человеколюбия, но именно познавательный контекст придает ему силу неопровержимого документа). Сознание выбирает, сравнивает, соотносит с хорошо ему известным, интересным для него. То, что интересует - останавливает внимание, фиксируется, собирается и пополняет имеющуюся информационную копилку.

Интенциональность - категория в том числе (и даже скорее всего) ценностная, так как это полная ангажированность, увлеченность, погруженность в определенную деятельность. Это ни в коем случае не безучастность. Целый шлейф модификаций значения гуссерлевского понятия интенциональности как направленности сознания на предмет включает в себя и такие моменты как внимание, концентрация, сосредоточенность, способность более-менее продолжительное время удерживать предмет мысли, без чего невозможна плодотворная работа с ним. Внимание - это

интенциональность в модусе *actu*, работающая «здесь и сейчас»; характеристика единичного акта сознания, сосредоточенность - характеристика их совокупности как актуального поля сознания. Сосредоточенность это и более высокая степень интенсивности внимания, несомненно важная константа духовной жизни, а экстрасенсорика - спутница сосредоточенности.

Шестой патриарх чань-буддизма Хуэйцзэн вообще постулирует тождество сосредоточенности и мудрости. «Благомудрые друзья! В этих вратах моего Учения основой является сосредоточенность и мудрость. Ни в коем случае нельзя ложно утверждать, что мудрость и сосредоточенность различаются. Сосредоточенность и мудрость являются единым целым и не разделяются надвое. Сосредоточенность есть субстанция мудрости, мудрость есть функция сосредоточенности. Как только появляется мудрость, значит, в ней присутствует сосредоточенность; как только появляется сосредоточенность, значит, в ней присутствует мудрость. Благомудрые друзья! Это означает, что сосредоточенность и мудрость едины». Пьер Кюри - человек предельной погруженности в научный поиск, - не менее глубоко, чем Хуэйцзэн, понимал смысл неразрывной связи сосредоточенности и творческой работы духа: «Чтобы я, человек слабый, не пустил мою башку гулять на все четыре стороны по воле малейшего встречного ветерка, необходима полная неподвижность всего вокруг меня, или же мне надо самому завертеться так, как крутится гудящий волчок, и тогда уже само движение сделает меня невосприимчивым к окружающим вещам...» Ведь в любое «время какой-нибудь пустяк одно слово, чей-нибудь рассказ, газета, гость — ...может... задержать навсегда ту минуту, когда я... мог бы, несмотря на окружающее, сосредоточиться в самом себе. Нам надо есть, пить, спать, бездельничать, любить, то есть касаться самых приятных вещей в этой жизни, и все же не поддаваться им. Но, делая все это, необходимо, чтобы те противные нашему естеству мысли, которым мы посвятили себя, оставались господствующими и продолжали свое бесстрастное движение в нашей бедной голове. Надо из жизни создавать мечту, а из мечты — реальность».

Интенциональность - сознание именно в модусе максимальной концентрации, предельной сосредоточенности. Соприкасаются души интенциями, ими же они и притягиваются, ими же и отталкиваются. Интенциональность создает свое собственное поле притяжения. И чем интенсивнее интенциональное переживание, тем сильнее его поле притяжения. Интенциональность — это действующий в автоматическом режиме механизм переключения сознания с одного смыслового поля на другое, движения по смысловым предметностям одного и того же, горизонтального уровня, или же по вертикальной иерархии смысловых напластований. А каждое слово «по своему ведомству», оно способно перекинуть нас из одного региона в другой регион смысла. «Словесными овцами» называют себя христиане, стремясь всеми силами души соединиться с божественным словом, быть причастными божественному Логосу. В области духа страсти бесстрастные. Необходимо различать страсти земные и

страсти духовные, именуемые «пассиями». Пассионарность - это приобщение к огню божественному, вхождение в резонанс с волнами высоких духовных энергий, в безграничном океане которых мы всегда и везде пребываем, но которые проносятся мимо нас, погруженных в суету житейскую, ею наполненных и переполненных, а потому и не способных «вместить» божественные эйдосы. Гуссерлевские редукции можно истолковать как процедуры очищения сознания от нагромождений смыслового хлама и мусора и перевода его в режим творческой работы, в режим движения «живой мысли», конституирующей определенную ноэватическую предметность в пределах определенного смыслового поля.

Пространственная и временная экстенсивность сознания - следующая важнейшая особенность понимания его гуссерлевской феноменологией. Сознание описывается как трансценденция, как интенциональная реальность, трансцендирующая в пространственном и временном измерениях. Точное и художественно совершенное изображение этого феномена находим у Рюноске Акутагавы в его крохотном рассказе «А-ба-ба-ба...» Рассказчик, исполненный жизненной энергии молодой человек, делится своим, доставляющим ему большое удовольствие, опытом психологического воздействия на окружающих. Выбрав в городской суতোлке молодую особу, он, поймав ее взгляд, не отрываясь давит его своим взглядом, под которым та неизбежно начинает смущаться, краснеть, приходить в замешательство. Вернувшись через год в родной город и встретив давнюю жертву своего психологического экспериментирования, он по старой привычке пытается ее смутить. Но она уже молодая мама с младенцем на руках и вся, без остатка, поглощена им. Все усилия нашего героя - с нулевым результатом. Это и есть трансценденция как полное слияние с предметом, объектом интенциональности, любовного растворения в нем своего индивидуального Я.

В идее трансценденции заложена также идея транссубъективности чувственных данных, которые реабилитированы современной философией и рассматриваются уже не как лишённые объективности вторичные качества, а как имманентные характеристики «самих вещей». Здесь начинают работать и принципы системного подхода, что и сделало феноменологию для своего времени методологически чрезвычайно новаторской, и по сей день обеспечивает ей надежное место на передних рубежах современного познавательного процесса. Ведь основу смыслоконституирования, по Гуссерлю, составляет «подлинно интенциональный синтез в синтезе многих актов в один акт, благодаря которому в своеобразном способе связи из смысла и другого смысла получается не просто единство, частями которого являются смыслы, но единственный смысл, в котором заключены исходные смыслы, но лишь в качестве смысловых моментов». Таким образом, характерную черту этого синтеза Гуссерль видит в несводимости целого к механической совокупности составных частей. В познавательном процессе, а в чувственном опыте прежде всего, индивид, субъект сливается в единое нерасторжимое целое с предметом познания и действия. Он и объект - единая

система, в которой и тот, и другой —уже не самостоятельные, автономные сущности, а компоненты системного целого, возникающего по закону эмерджентности. Это же какие возможности захвата внимания и порабощения сознания каждого из нас открываются в такой методологической перспективе! Они активно и задействованы сегодня в четко отлаженных технологиях социальной инженерии. В кибериграх индивид вроде бы активен и расторопен, но в действительности плетет для себя самую сеть, из которой он уже не в состоянии выбраться.

Человек каждым словом и действием вовлекается в системы. Если эти слова и действия избыточны смыслом, конституированным его духом, он - актер, субъект-созидатель, ведущий свою собственную игру на подмостках жизни. Он продуцирует смыслы, вернее будет сказать, своей ноэзоноэматиической матрицей подключается всякий раз к источнику (внутреннему или внешнему) смыслоконституирования. Внутренний же источник («от полноты сердца говорят уста») диалектически связан с внешним, предстающим как универсальное смысловое поле культуры. По Гуссерлю, источник смыслоконституирования — в трансцендентальном Я самого индивида, а по Манееву, сознание индивида - проводник энергий определенной культуры, берущих свое начало в необозримом и бесконечном океане биополевой формации.

Тут важно содержание источника, из которого питается смыслоконституирование. Энергия смыслоконституирования может быть светлой и чистой, а может быть темной и исполненной «всякой нечистоты». Она может проистекать из мрачных глубин и бездн фрейдовского либидо или же быть животворной энергией Духа Святого. Здесь пролегает водораздел добра и зла, света и тьмы. Гуссерль обходит стороной эту дихотомию. Манеев же - хотя сама его гипотеза о биополевой формации как глубинной основы всех форм проявленного бытия, в том числе и сознания, «покрывает», включает в себя данные противопоставления и противоположности, сделал однозначный выбор и пользу энергии света и добра. Правоверный прихожанин православной церкви и певчий ее церковного хора, он мастерски вплетает свой красивый баритон в согласный строй божественного славословия.

Вечная философская проблема реальности сверхчувственного по-новому ставится и решается Гуссерлем и Манеевым. Обоим очевидно, что лишь достаточно узкий сегмент предметов реальности (социальной прежде всего как исходной и непосредственно данной субъекту познания) имеет в своей структуре чувственно наглядную, чувственно воспринимаемую составляющую. Подавляющее же большинство их - вещи сверхчувственные, схватываемые, как правило, интуитивно, поскольку являются предметами привычного окружения индивида, его «жизненного мира». Конечно, мир человека - это, прежде всего, мир смысла. Во многих смысловых мирах приходится каждому жить и действовать, выстраивать собственную архитектуру отношений и связей, по ходу действия корректировать ноэзоноэматиические структуры складывающихся отношений, оперативно

встраивать свои индивидуальные смысловые образования в формирующиеся, конституирующиеся intersубъективные коммуникативные смыслы.

В основе такого понимания - идея социальной обусловленности познавательного процесса. Массив сверхчувственного наращивается в сегодняшнем мире со все большим ускорением. Реальность все более виртуализируется, становится все более абстрактной, все более перенасыщается смыслами и значениями с их собственной интенциональностью. Меняется состав, а главное, качество аксиологических измерений реальности. Основной же рост сферы сверхчувственного дают сегодня когнитивные составляющие культуры, представленные, прежде всего, наукой и ее техническими приложениями. Во многом с ними связан и шлейф изменений в наличных и вновь возникающих конфигурациях социальных отношений — не менее важной и обширной области сверхчувственного.

В гуссерлевском трансцендентализме, окончательно растворившем все бытие в сознании, этой области сверхчувственного вообще не находится места. Феноменология фиксирует внимание на сверхчувственном лишь как на смысловых оболочках реальности. Манеев же осуществляет для своего времени наиболее полный синтез наработанных философских и естественнонаучных представлений о реальности. Работая в традициях реализма и объективизма, присущих отечественной философии, он приходит к выводу о существовании наиболее глубинной и субстанциональной области сверхчувственного как прасновы всякою проявленного бытия.

Смысловый стержень сознания-души должен оставаться непоколебимым. Это предпосылка здоровья духа, а значит, и здоровья витального. Вихрь дневных впечатлений инерционен и, захватывая, не давая покоя, изматывая, продолжает кружить нас. «Ни сна, ни отдыха измученной душе», волнующейся «житейскою бурей». Так нарастает разрушительный болезнетворный хаос внутреннего человеческого Я. Имея в виду эту ситуацию, Будда утверждает: «страсти болезненны и мало от них радости», а по Сартру, вообще: «ад это другие». Великая социальная роль религии как института в том, что она обеспечивает верующему гармонизацию внутреннего мира за счет расширения ею сознания, перевода его в режим резонансного функционирования с космическим сверхсознанием, открывая индивиду возможность подключения к безграничным энергетическим ресурсам макеевской биополевой формации. В религиозной культуре наработаны эффективные практики перевода, переключения сознания в более высокий режим функционирования, найдены действенные механизмы стабилизации внутреннего хаоса, технологии формирования и наращивания инструментов внутренней детерминации и самоопорности. «Умные очи сердечные» открывает православная культура в каждом человеке, проникая которыми в область сверхчувственного, он способен хотя бы время от времени вырваться из изматывающей круговерти обыденного. Ведь как гениально точно сказано поэтом: «Впереди крик "нельзя!", позади - "воротись!", и тиха лишь стезя, уводящая ввысь».

Интенциональность — характеристика не только сознания индивидуального, но и сознания общественного и культуры в целом. Она - показатель духовного средоточия культуры, его главного в тот или иной период вектора, описывает наличную конфигурацию ценностей общества. Культура современного «европейского человечества» далека от благополучия. Тон в ней задают антиценности массовой культуры. Сенсорика ее развязна до разнузданности, а чувства примитивны и грубы. Ее вертикаль, точнее, верхняя часть интенциональной вертикали, взметнулась и интенсивно наращивается инновациями техники и технологии, которые, не будучи сопряжены с гуманистическими ценностями высокой общечеловеческой значимости, становятся эффективными рычагами политического и социального насилия, подавления, эксплуатации. Духовная же составляющая этой вертикали провалилась в социальное подполье, в социальный антимир с его откровенной бесовщиной и сатанизмом.

Всемирный познавательный процесс вступает сейчас в новый гиперцикл, определяемый синтетической парадигмой, которая идет на смену уже не отвечающей современным требованиям парадигме аналитической. Как интегративная парадигма в бытии социальном находит свое выражение в глобализации, так и в сфере познания параллельно набирает силу синтетическая парадигма. Механистические, редукционистские методологии с их рассечением, разложением, разъятием целостности на составные части (при их эффективности, результативности в прошлом) не отвечают больше запросам современной общественной практики и превратились в кандалы гири познавательного процесса. Идеи и методологические подходы Гуссерля и Манеева - полностью в русле складывающейся синтетической парадигмы. Каждый из них на своем проблемной поле прокладывает пути этой парадигме. Как гуссерлевская ноэзо-ноэматическая матрица готова и способна вместить в себя любые методологические и даже мировоззренческие подходы, стратегии, установки, так и макеевская гипотеза биополевой формации снимает крайности материалистической и идеалистической мировоззренческих позиций на принципах их взаимодополнительности. Поэтому в формирующемся сейчас новом мировидении доминантой будет не разъединение, обособление и противопоставление в том числе и выработанных в культуре мировоззренческих установок, а их гармонизация, взаимообогащающий синтез.

В новых условиях и на современном ему естественнонаучном материале Манеев в новой соответственно форме представил древнюю идею констатационности как такого измерения реальности, в пределах которого все связано со всем. В 80-е годы прошлого века группа видных советских психологов и физиологов в «Вопросах философии» высказали предположение, что функционирование психики и сознания опосредовано какой-то невещественной субстанцией, неизвестным науке специфическим видом энергии, что дает возможность объяснить связанные с сознанием и психикой экстрасенсорные и паранормальные феномены, отрицать далее

существование которых было бы изменой духу науки (более того, гипотезы новейшего естествознания о вакууме и темной энергии ковариантны идеям Манеева). Верность и справедливость такого подхода со временем только возрастает. Соответственно возрастать будет значимость и актуальность эвристических идей Манеева, которым в такой перспективе обеспечено надежное будущее.

Габрусь, И.Ф. Феноменологический контур сознания в контексте идей А.К. Манеева // Время и вечность: философия, логика, познания : сб. науч. трудов к 90-летию А.К. Манеева / ред. А.А. Лазаревич [и др.]; Ин-т философии Нац. Акад. Наук Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 67-76.

Библиотека БГУИР